

© В.Р. Филиппов. Рец. на: *Социальные факторы межэтнической напряженности в России* / Отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.

В коллективной монографии представлены результаты исследования “Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений”, реализованного в 2017 г. под эгидой Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. В состав авторского коллектива вошли известные российские ученые К.С. Григорьева, Ю.Б. Епихина, И.М. Кузнецов, Н.С. Мاستикова, В.И. Мукомель, П.В. Фадеев и М.Ф. Черныш. Монография состоит из предисловия, трех разделов, приложения и заключения.

В предисловии авторы представляют свое видение предмета исследования: межэтническая напряженность рассматривается ими как “состояние, имеющее в основании совокупность причин социального, экономического и политического характера”, а важнейшим фактором, ее порождающим, авторы считают неравенство (с. 6). Странно, что это положение, которое должно быть выводом, сделанным в результате анализа эмпирического материала, мы находим в предисловии. Да и в самом выводе нет ничего нового: мы встречаем его практически во всех трудах по этносоциологии конца прошлого столетия. При этом непонятно, почему социальные причины провоцируют не социальную, а межэтническую напряженность; экономические факторы порождают не экономические конфликты, а этнические противостояния; также неясно, чем обусловлена этничность политических конфликтов. Разумеется, очень часто конфликтам разного рода по неведению или сознательно приписывается этнический характер, но в основе любого из них всегда лежат рациональные причины, а не иррациональная мифологизированная этничность.

Уникальность своего исследования авторы видят в том, что оно проводилось с использованием масштабной выборки, в которую было включено примерно семь тысяч семей, а также в том, что специалисты сочетали метод массового опроса с методом фокус-групп. Мне кажется, называть данный опрос уникальным не совсем корректно: сопоставимые по масштабам этносоциологические опросы уже проводились сотрудниками ЦИМО, а также существовавшего ранее сектора народов Поволжья ИЭА РАН. При этом, как правило, метод формализованного интервью в ходе этих исследований также сочетался с целым рядом иных социологических методик.

В первом разделе, который называется “Теория и методология межэтнических исследований”, первый параграф представляет собой достаточно обстоятельный и интересный обзор трудов западных социологов и, в значительно меньшем объеме, российских обществоведов (этнологов и этносоциологов), так или иначе трактующих феномены “этнос”, “национальность”, “нация”, “межэтнические отношения”. Примечательно, что речь идет о *различных* теоретико-методологических подходах к изучению этничности, но при этом авторы не солидарны ни с одним из них и, соответственно, не формулируют *собственное* теоретическое кредо. Они считают, что “оптимальная стратегия изучения межэтнической напряженности находится в русле методологического индивидуализма” (с. 55). В соответствии с таким подходом

Василий Рудольфович Филиппов | <https://orcid.org/0000-0003-0501-8528> | fvr1957@mail.ru | д.и.н., ведущий научный сотрудник центра изучения стран тропической Африки | Институт Африки РАН (ул. Спиридоновка 30/1, Москва, 123001, Россия)

авторы коллективной монографии не излагают свое понимание этноса и этничности и тем более не предлагают читателю операциональное определение используемых понятий. Лишь из контекста можно заключить, что они исходят из эссенциалистских (примордиалистских) представлений об этнических феноменах, характерных для отечественной этнографии середины и отчасти второй половины прошлого столетия.

Фактически этот параграф представляет собой историографический обзор теоретических трудов, по-разному интерпретирующих этнические феномены, в то время как историографического анализа многочисленных работ отечественных этносоциологов конца прошлого — начала нынешнего столетия в этом исследовании мы не находим. Впрочем, этот недостаток отчасти компенсируют достаточно подробные обзоры литературы по каждой конкретной проблеме (например, проблеме влияния уровня религиозности на межэтническую напряженность). Эти “частные” историографии содержат в большинстве своем упоминания зарубежных авторов и российских социологов, представляющих ИС РАН, и в значительно меньшей мере этнологов (этносоциологов), работающих в ИЭА РАН.

Второй параграф этого раздела хоть и называется “Вопросы исследовательской методологии”, речь в нем идет только *об одном из использованных методов* сбора эмпирического материала, а именно о методе фокус-групп. Авторы излагают причины, побудившие обратиться к этому методу на первом этапе исследования, подробно описывают опыт использования этого метода в зарубежной и отечественной социологии и этносоциологии, а также достоинства и недостатки метода фокус-групп. Они констатируют, что “на этапе планирования исследования методу фокус-групп была отведена ключевая роль в сборе социологических данных, относящихся к проблематике проекта” (с. 56). Вместе с тем честное изложение тех методических проблем и организационных трудностей, с которыми столкнулись специалисты при проведении исследования методом фокус-групп, заставляет усомниться в качестве полученного эмпирического материала. Да и сами авторы, размышляя о достоинствах и недостатках избранного ими метода, отмечают, что “глубинное интервью в сравнении с методом фокус-группового обсуждения может оказаться более предпочтительным” (с. 75). Трудно понять, почему же авторский коллектив остановился именно на методе фокус-групп и что же именно позволило прояснить целесообразность его использования на первом этапе исследования? Вывод из параграфа содержит лишь указание на то, что в результате проведения глубинных интервью с чеченцами, таджиками и узбеками “удалось собрать разноплановый и детализированный материал, отражающий личный опыт контактов и взаимодействия с представителями разных этнических групп” (с. 76).

Мнения и высказывания респондентов по тем или иным проблемам, которые в качестве иллюстраций приводят авторы, представляются достаточно интересными и создают у читателя довольно полную картину культурной и социальной напряженности в тех или иных регионах страны. Но судить о типичности тех или иных взглядов, присущих представителям разных социальных групп и культурных слоев, сложно.

Второй раздел монографии посвящен выявлению степени влияния социокультурных факторов на межэтнические отношения, в третьем анализируются социально-экономические факторы межэтнической напряженности. Эти разделы написаны на основе данных массового опроса, реализованного в рамках указанного выше проекта и направленного на выявление потенциальных факторов, которые могут способствовать обострению межэтнических отношений в условиях динамичных экономических трансформаций и социальных сдвигов в постсоветской России. Исследователями был разработан блок вопросов, который, по их мнению, позволяет оценить состояние межнациональных отношений, выявить уровень межгруппового и межличностного доверия к представителям других этнических групп, а также выяснить мнение общества о мигрантах. Авторы сообщают, что этот блок вопросов был “включен

в 24-ю волну RLMS—HSE” (без каких бы то ни было пояснений), что исследование представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки (15 118 респондентов в 39 регионах России). Эта краткая информация не позволяет в полной мере судить о корректности построения выборки и в конечном счете о репрезентативности исследования, о возможности экстраполировать выводы на все население Российской Федерации. Остается лишь верить авторам на слово.

Выводы, завершающие отдельные параграфы, не отличаются особенной новизной и могут трактоваться как подтверждение итогов ранее проведенных этносоциологических опросов. Например, тот факт, что “снижение социально-экономического статуса ведет к росту неприязненного отношения к инонациональным группам, но отнюдь не позитивного отношения к собственной национальной группе” (с. 103) констатировали многие исследователи. Да и сами авторы монографии признают, что это “известный эффект поиска виновных среди иноэтничных групп” (с. 103).

Общее заключение, представленное в монографии, также вызывает возражения. Авторы констатируют, что “межэтническая напряженность имеет тесную связь со множеством других показателей, характеризующих общество”, что “уровень неравенства в доступе к материальным и социальным благам, безусловно, значимый фактор”, но “в одних случаях он влияет больше, чем другие”. При этом исследователи делают достаточно умозрительный вывод о том, что “сама идея сугубо классового сознания переживает своего рода кризис: население все меньше расположено к политическому выбору по классовым признакам” (с. 298). Вряд ли это так. В постсоветской России именно классовое противостояние определяет конфликтный потенциал общества. Только нынешняя классовая дифференциация социума отлична от привычной ленинской схемы. Огромная масса люмпенизированной, обнищавшей части населения противостоит классу государственных чиновников, в большинстве своем использующих ресурс власти как средство первоначального накопления капитала и/или приватизации государственной собственности. Очень часто на уровне обыденного сознания этот все более заметный антагонизм приобретает “этнический” флер, а социальное противостояние интерпретируется как межэтническое.

Знакомство с рецензируемой монографией вызывает странное ощущение, что мы вернулись в прошлое, когда сложный калейдоскоп идентичностей людей некоторые этнологи пытались изучать методом массовых опросов. При этом изменчивые языковые, конфессиональные, локальные, клановые, национальные (гражданские) и другие культурные самоидентификации респондентов в совокупности трактовались как этнические. Задавая вопрос о национальности (в этническом понимании этого слова), исследователь и сам толком не мог объяснить, что же это такое, но при этом воспринимал ответы собеседников как совершенно осознанные, дающие основания “приписать” человека к тому или иному этносу. Мне кажется, что этносоциология как особый жанр этнологических исследований изжил себя, и в этом смысле рецензируемое исследование выглядит несколько архаично.

Book Review

Filippov, V.R. Review of *Sotsial'nye faktory mezhethnicheskoi napriazhennosti v Rossii* [Social Factors of Interethnic Tension in Russia], edited by Yu.B. Epikhina and M.F. Chernysh. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 6, pp. 192–194. <https://doi.org/10.31857/S086954150007776-3> ISSN 0869-5415
© Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vasily Filippov | <https://orcid.org/0000-0003-0501-8528> | fvr1957@mail.ru | Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia)